

В субботу 15 декабря минувшего года между 19 и 21 ч. жестоко пострадал неизвестный Б. Г. Разнокомпетентные органы продолжают выснять миссии многочисленных свидетелей. Удалось установить причастность к делу молодого дворянина О. (1876 г. р.), ожидавшегося в столице 25 ноября. Однако на встречу с москвичами и неким гражданином Итальянской республики О. в последний момент не явился.

Отложила визит в Москву по случаю своего столетия и 150-летия отца престарелая родственница О. и Б. Г. Помочь расследованию мог бы дед вышеупомянутой троюм, безотлучно находившийся в местности происшествия (носилец, кстати, его имя). Но он предпочитает пока хранить молчание...

Стоп! Не смешно все это. Какой тут смех, когда на глазах у всех мучается знаменитый не только в России театр, а с ним и великое искусство русской оперы.

Правда, сейчас декабрьский кошмар прекратился. Закрытый было Московский академический музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко с 1 января с. г. возобновил свою работу.

Так стоит ли вспоминать о голодовках, демонстрациях, разборательствах, открытых письмах, забастовке? О срывах премьеры «Евгения Онегина», возобновления «Пиковой дамы» и искалеченном в баррикадных боях «Борисе Годунове»?

Стоит. Хотя бы потому, что забастовка «широких оперных масс» (хор, оркестр, миманс), части солистов-певцов и работников других служб театра лишь приостановлена. В течение января власти города в лице Ю. М. Лужкова обещали выполнить требования бастующих. Но удастся ли это сделать, если многие проблемы не решались десятилетиями, а социально-экономическая ситуация в столице продолжает ухудшаться?

Работающая в театре комиссия по разбору конфликта пока молчит. Все люди остаются в своих местах и, судя по всему, сохраняют готовность к борьбе.

тегорически требуют его отставки.

Но ведь все это тянулось десятилетиями... Почему же взрыв произошел именно сейчас?

...Последней каплей стал «Евгений Онегин». Вернувшись из Италии, окрыленные успехом и замечательными перспективами люди узнают: намеченные премьеры не будет. Не готовы костюмы, декорации — все, что должно было делаться в течение года.

Борис Земцов, директор: У нас все делается в лихорадке. И «Бориса» выпускали «на зубок»: не было леса, ткани, красок... И с каждым месяцем — все хуже. Деревянные щиты для летней премьеры «Ромео и Джульетты» я сам привез из Свердловска. Хотя облисполком запретил вывоз «товаров» за пределы области...

Голос из хора: По музыкальной линии все было готово. А остальное... даже смета не составлена! Идет окровавленный саботаж. Хотя полмира хотят нас заполучить. На следующий фестиваль в Италию мы должны везти

«Онегина» и «Руслана», намеченно-го к сдаче на сентябрь 1991 года. Импресарио приехал, а показывать не-чего...

Евгений Колобов, художественный руководитель и главный дирижер: «Ев-гений Онегин» был задуман по Станиславскому: не реставрировать мизан-сцены, а воссоздать дух, традиции творческого эксперимента. Для «Оне-гина» это прежде всего авторское ви-дение: новые имена, молодежный спек-такль консерваторской студии. А у нас Ленскому — 60 лет, Онегину — 58...

Реакция пародных и заслуженных по-янтна.

Импресарио уехал. Градущие премь-еры под вопросом. Блестящие перспек-тивы регулярных поездок за грани-цу, ради которых здесь можно и по-терпеть, рассеялись как дым, как призрачный туман.

Что делать? Бастовать!!!

12 ноября избран забастком. 21-го — проведена однодневная предупреди-тельная голодовка. Потом были об-ращения в Моссовет, демонстрация на Советской площади, встречи с ру-ководителями культуры всех рангов. А 12 декабря решили: «Так дальше жить нельзя!» и официально предупредили о забастовке.

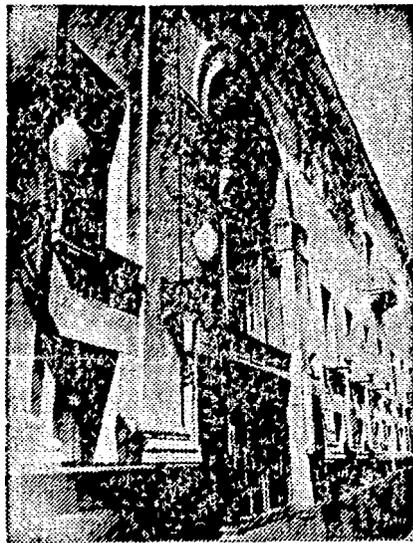
Б. Земцов: До последнего момента я надеялся, что все уладится. Но... пришлось выйти на сцену. Передо мной 1400 человек. Объяснил, в чем дело. А тем, кто не хочет смотреть такого «Бо-риса», предложил пройти в кассу и получить обратно деньги. Половина за-ла поднялась и ушла. Но партер-то остался! Так что все решили сами зри-тели.

Оставшиеся стали свидетелями ужасной смерти самого молодого из наших «Борисов», рожденного здесь же всего год назад. Народная музикальная драма Мусоргского прошла без участия народа. Без хора, оркестра и ключевых сцен.

...Не было Пролога с Митюхой, при-ставом и причитаниями из-под палки. В полном одиночестве венчался Борис на царство, а роль и две руки отваж-ного концертмейстера безуспешно пы-тались заменить звоны и хоровые «Славы» Соборной площади Крем-ля. Знаменитая сцена у Василия Бла-женного потребовала от солистов экстраординарных решений. Некому было выкрикнуть страшное: «клеBall!». Заслуженный артист РСФСР В. Маторин из Пимена преобразился в «тол-пу»: огромная фигура в черном полз-ла по сцене, протягивая руки к трю-ну...

Голос очевидца: После каждого по-мера — тишина. А потом — гром ап-лодисментов.

Е. Колобов: Это — чудовищная ак-

За что? С кем?

Требования основной части перной труппы просты: повисить ста-ции, решить вопросы реконструкции 60 лет черемонтировавшегося здания, улучшить жилищные условия массы нуждающихся, привести материально-техническую базу театра в соответ-ствие с современными требованиями. Для беднейшего в России музыкально-о театра многое значила бы и смена статуса (с московского на россий-ский). Конкретные беды — крысы, та-канья, пыль, отсутствие вентиляции, буфета, способного накормить 600 сот-рудников, 110—130 рз в меслц и т. д. — легко представимы всем, кто хот-темного знаком с театральной нашей жизнью. А поскольку за организацию театрального производства и быта от-

